

Ж. Шатравски

*СССР глазами польского писателя:
Российское путешествие
Юлиана Стрыйковского*

Военные судьбы значительной части польской интеллигенции были связаны с СССР – страной, ставшей для многих убежищем, а для многих тюрьмой и выбором наименьшего зла. Непосредственный контакт с реалиями страны диктатуры пролетариата сыграл особую роль в судьбе писателей левых взглядов, особенно коммунистов предвоенного времени. Одной из важнейших фигур в этой группе был молодой польский писатель Юлиан Стрыйковский. Идеологический переворот, начавшийся у него еще во время войны, в Москве, закончился окончательным отказом от коммунистической идеологии, однако не дошел до отрицания российской культуры. О глубине контрастов в сохранившихся с тех пор воспоминаниях может свидетельствовать тот факт, что Юлиан Стрыйковский, охотно обращавшийся к биографическим мотивам, помимо мелких упоминаний, не использовал в литературном плане воспоминаний из СССР.

Юлиан Стрыйковский вступил в коммунистическую партию перед войной, но только столкновение с коммунизмом как государственным устройством, по-настоящему повлияло на его взгляды и убеждения. Творчество писателя, так же как и автобиографические высказывания, свидетельствует о том, что ранее коммунизм был для него скорее идеализированным представлением, чем осознанным выбором. Выбор этой идеологии, как и у большей части молодой интеллигенции, в период между войнами был одновременно выражением критического отношения к существующей несправедливости в обществе, в котором формировался писатель, и идеализированного образа общественной справедливости. В мифологизированности и неполноте тогдашнего образа СССР трудно было удостовериться, а всякого рода донесения, способные посеять сомнения, трактовались как «империалистическая пропаганда». В повести «Черная роза», ставшей первым сведением счетов писателя Стрыйковского с собственным воодушевлением коммунизмом, издатель бульварной газеты «Спра-

ведливость» не имеет политических иллюзий ни в отношении капитализма, ни коммунизма: «Газеты пишут, как там, в России, но рабочие не верят. Голодный не верит газетам»¹. В повести «Черная роза», опубликованной в 1962 году, впервые обозначилось разочарование писателя *новым* мироустройством.

Опыт, приобретенный во время Второй мировой войны, замыкая период формирования личности писателя, стал импульсом к началу работы над первой повестью «Голоса в темноте». Эти переживания являют собой настоящий переворот, завершившийся уже после войны. Роль этого периода подтверждает все творчество Юлиана Стрыйковского. И хотя сам по себе этот период не нашел отражения в качестве темы ни в одном из произведений Стрыйковского, он представляет собой ключевой момент в понимании значительной части творчества писателя. Вторая мировая война была первым этапом для проверки суждений о государстве, в котором победила революция, а заодно и пробой на идеологическую стойкость молодого, но в то время уже закаленного в львовской тюрьме члена Коммунистической партии Западной Украины². На вопрос Петра Шевца, не был ли для писателя пакт Риббентропа – Молотова, а затем и вступление Красной Армии на восточные территории народной республики «ножом в спину обороняющейся Варшаве и сражающимся войскам Армии Польши», писатель ответил: «Вы как молодой человек не можете знать о подноготной преследований национальных меньшинств в довоенной Польше, прежде всего украинцев. Но, возможно, Вы слышали об акциях пацифистов в восточной Галиции и на Волыни. О поджоге целых деревень и уничтожении крестьян»³. В этой части беседы Стрыйковский, говоря о реакции украинских крестьян, встречавших Красную Армию хлебом и солью, указывает на то, что двумя годами позже те же самые крестьяне точно также встречали гитлеровцев, и такое происходило не только на территории Западной Украины, но и над Днестром. Объясняя свое отношение к этим событиям, писатель отмечает: «Кроме того, я же когда-то был членом Коммунистической партии Западной Украины. И так у меня все запутано. У событий есть коммунистический рефлекс, а когда я о них вспоминаю – получается совсем наоборот»⁴.

Предвоенное восхищение коммунистической идеологией и заявленное участие в польском коммунистическом движении навязали выбор страны, в которой Стрыйковский искал спасения после того, как разразилась Вторая мировая война. Побег во Львов, занятый вскоре Красной Армией, открытое участие в общественной жизни, а после 22 июня 1941 года дальнейшее продвижение на восток были последствием мировоззренческого выбора писателя. Встреча с Красной Армией, с советской администрацией, с жизнью многих городов, прежде всего в азиатской части СССР, а позже и Москвы, которая все еще оставалась для польского коммуниста

«столицей мирового пролетариата», была одновременно и первой встречей с реализацией коммунистической идеологии и проверкой возможности перенесения идеи на жизнь общества. Необходимо помнить, насколько мифологизированной многими польскими коммунистами страной был СССР перед началом войны. Это была своеобразная антитеза неравенства и отсутствия терпимости в многонациональной II Речи Посполитой, и первое столкновение с действительностью этой страны могло разочаровать. Информация на тему нищеты, голода, которая доходила до Польши перед войной, отбрасывалась деятелями коммунистической партии как пропаганда противников самой идеи. Кроме того, существование идеологических принципов, гарантирующих равные права всем национальностям, являло собой гарантию общественной справедливости на самом начальном уровне, однако уже вскоре должно было оказаться, что действительность не всегда соответствует идеологической пропаганде. Подробные сообщения о пережитом писателем, связанные с пребыванием в СССР, можно найти в его непосредственных автобиографических высказываниях и в автобиографической повести «Большой страх». Художественные амбиции не позволили автору полностью согласиться с фактами, а идеализация известных подробностей *случившегося* характеризует стремление к усовершенствованному в художественном смысле повествованию, даже ценой небольших изменений в образе самой действительности. Однако встреча героя повести с Красной Армией во многих случаях отражает личный опыт писателя. Вспоминая первую встречу с красноармейцами во время разговора с Петром Шевцом, Стрыйковский отмечает подозрительную реакцию солдата на высказанную ему радость от встречи. Это охладило энтузиазм молодого польского коммуниста, однако первые сомнения рассеяла встреча с политруком. «Он растрогал меня, и сам тоже был растроган. Отломал несколько веточек от куста и украсил свою машину. Затянул красивым голосом: «Rascwietajsa krasnaja Ukraina, Ukraina miłaja». Может, сымпровизировал это <...> Мотоциклист вернул мне веру, рассеял сомнения, вызванные первым «бойцом». По мере продвижения на Восток сомнения возвращались. Я отгонял их, как надоедливых мух»⁵.

В повести солдаты представлены на фоне встречи с политруком нейтрально. Но сама встреча обещает исполнение желаний героя. Артур с энтузиазмом присоединяется к офицеру, который собирает в городке митинг и обращается с речью к освобожденному от «жестокости управления польских панов» народу Западной Украины. «Крестьяне слушали внимательно. Но никто кроме Артура не захлопал и не поддержал возгласа «chaj żywe!» <...> Мотоциклист изо всех сил пожал руку Артура. Спросил, как зовут его и его отца. Посадил на машину и повез по соседним деревням. За ними следовал танк и патруль. Артур то и дело кричал: «chaj żywe!» –

Артур Абрамович! – мотоциклист ударил его по плечу. – Ты настоящий беспартийный большевик. Таких нам здесь нужно как можно больше. У вас еще многого будет не хватать, потому что вам нужно наверстать 20 лет строительства социализма»⁶. Это «наверстывание» стало первым уроком политического реализма для многих польских коммунистов в Львове.

После приезда в Львов Юлиан Стрыйковски благодаря случайной встрече попал в Международную организацию помощи революционерам, куда был взят на работу для регистрации безработных учителей. Как утверждал он сам в воспоминаниях, работа на должности «комиссара по делам образования» была «управленческим фарсом», а собранные им заявления безработных учителей выбрасывались, однако позволила ему заработать на жизнь, а косвенно также получить работу в «Czerwonym Sztandarze»⁷. Это событие решило его дальнейшую судьбу. Журнал как орган львовской административной и партийной власти, прежде всего, вел пропаганду, но благодаря публикациям в нем польские писатели могли заработать на пропитание и продержаться до июня 1941 года⁸. В повести историю своих львовских переживаний, эпизод с работой в MOPR Стрыйковски опустил. Похоже, что в дальнейшем судьба героя и автора расходятся. Артур после увольнения из редакции на долгое время остается без работы, в то время как писатель, потеряв работу в «Красном штандарте», уже на следующий день нашел работу в Польском Отделе радио⁹. Эти отступления обоснованы структурой повести, в которой начало львовского периода военных перипетий Артура переполнено оптимизмом и радостной верой в спасение. Но это настроение постепенно преобразуется в осознание угрозы существования и утрату надежды на какую бы то ни было помощь. В последней сцене повести у Артура не хватает сил бежать от приближающегося фронта. Веслав Кот заметил, что в этой повести завершилась крайняя компроментация партии и коммунистической доктрины¹⁰. К моменту появления повести в издававшемся вне цензуры «Zapise»¹⁰, в 1978 году, Юлиан Стрыйковски уже не был членом партии. От принадлежности к этой организации он отказался гораздо раньше – в 1964 году. Но вместо того, чтобы рассказать об окончательном разрыве, ему необходимо было скорее обозначить «Большой страх» как одну из многочисленных дискуссий писателя с идеологией и формой ее реализации в обществе. Уже в повести «Черная роза» появляется настроение недоверия и отсутствия возможности выразить свое мнение. «Существует столько форм провокации, сколько политических форм борьбы с Советским Союзом <...> Он должен душить в зародыше любую измену <...> Снисходительность по отношению к отклонениям притупляет революционную бдительность»¹¹. Эта «революционная бдительность» проявлялась по-разному, но всегда за потерей доверия следовала потеря места в обществе. Сосед по камере героя «Черной розы» замечает: «Никому не

желаю, даже врагу, чтобы его обзывали троцкистом. В листовках пишут, что ты ренегат, предатель, фашист. Твоя девушка плюет на тебя, все отворачиваются от тебя, как от заразы. Уж легче сидеть в тюрьме»¹².

В записях, касающихся предвоенного периода, писатель вспоминает подлинное событие, произошедшее после его увольнения: «Незаконная коммунистическая партия в Польше не могла ни арестовать, ни посадить в тюрьму, ни приговорить к смертной казни. Ее террор не был физическим. Однако знаю случай убийства человека, считавшегося провокатором <...> Психический террор может быть намного хуже. Каждого могли назвать троцкистом. Хватало неправильно использованного «нет» или «да». Позорное клеймо троцкиста довело моего знакомого, Гольдберга, до того, что он застрелился <...> После выхода из тюрьмы в 36-м году я оказался в вакууме, изолированным от партии. Товарищи смотрели на меня с подозрением. Напрасно я искал контакта. Я спросил прямо моего друга Кубу Х., в чем дело.

– Что ты думаешь об обвинениях, вынесенных на бывших товарищей Ленина? – В глазах Кубы сверкнули искорки злости. Он хотел спровоцировать меня, одного колебания было бы достаточно для доноса.

Я ответил:

– У меня бы не дрогнула рука, если бы мне приказали их застрелить. – Это был голос Большого страха. А я помню, хорошо помню, был в ужасе оттого, что сделал.

Но тогда не отказался бы от моих слов, даже если бы это было возможно¹³.

Комментарий к предвоенной ситуации в коммунистической партии имел место в повести «Черная роза». Доктор Тиль предостерегает героя от контактов с бывшим шпиоком майором Клачинским: «Этого вам хватит на всю жизнь, чтобы быть провокатором. И никто из ваших товарищей Вам не поверит <...> Достаточно тени подозрения, чтобы прикончить человека»¹⁴.

В повести также обнаружилось высказанное в шутку мнение Ромка Суликовского: «Коммунист сгибается под двойным террором: полиции и партии»¹⁵, которое в контексте воспоминаний является своеобразным посланием, раскрывающим одну из существенных черт движения.

Период пребывания во Львове, после драматичного побега из Варшавы, был для Стрыйковского временем относительной стабильности. Писатель замечал отступление от идеологии, ощущал климат подозрительности, официально обозначаемый как «идеологическая бдительность». Он наблюдал ломку принципов не только социалистической идеологии, но и ценностей, лежащих в основе любого цивилизованного общества. Но тревожные события объяснялись как искажения, связанные с исключительной ситуацией. С политической, общественной точки зрения,

объяснения искались в проявлении «буржуазного сознания», давались обещания себе о том, что когда ситуация вернется в норму, все сомнения рассеются сами собой. В это время Юлиан Стрыйковский работал в редакции «Красного штандарта», ежедневно сталкиваясь с советской пропагандой сталинского периода. Отголоски этого опыта можно найти в «Большом страхе». Когда герои обсуждают возможность оказания помощи арестованным и вывезенным в глубь России предвоенным коммунистам, в ответ на их уверения о честности, товарищи слышат: «А ты, браток, откуда знаешь? Сидишь внутри человека? А нашей власти не доверяешь? И нехорошо»¹⁶. На следующий день после этой дискуссии Артур потерял работу в «Красном штандарте». Причиной была ошибка, которую он, будучи корректором, не заметил: вместо 22-я годовщина Красной Армии было напечатано: 21-я. По той же причине потерял работу в редакции и автор повести¹⁷.

Львовский опыт Юлиана Стрыйковского послужил ему точкой опоры в конструировании судьбы Артура и оказался богаче жизни, изображенной в повести «Большой страх». Об этом свидетельствуют и воспоминания в книге «Спасенный на Востоке», и автобиографическое продолжение «Большого страха» – рассказ «То же, но по-другому»¹⁸. Переживания военных лет, чаще всего отдельные эпизоды, воспроизводятся во многих других повестях и рассказах. Связь биографии писателя с его творчеством позволяет указать события, ставшие инспирацией многочисленных фрагментов его книг. Однако в свете воспоминаний о Второй мировой войне, которую он провел в основном в советской глубинке, необходимо отметить большое значение этого периода. В это время должна была произойти своего рода проверка взглядов молодого коммуниста, ведущая к формированию собственной системы ценностей, которая была настолько противоречива по отношению к основополагающим ценностям, объявленным коммунизмом, что еще через много лет писатель идентифицировал себя с общими призывами левых идей. Значимым при этом является тот факт, что воспоминания из советской глубинки сами по себе не нашли применения ни в одном из литературных произведений Стрыйковского.

Военные переживания писателя – это непрерывная череда событий, которые позволили ему проверить знания на тему СССР, полученные от чтения конспиративной прессы и докладов, оглашаемых во время партийных собраний. Очередной этап военных странствий начался в момент вторжения гитлеровских войск на территории, прилежащие к СССР в 1939 году. Отъезд из Львова привел на восток через Тернополь, Киев, Харьков, Ворошиловград, в котором он работал на сборе спорыша, Сталинград, где работал в батальоне принудительных работ, так называемом «стройбате», Куйбышев и Бузулук. В Бузулуке он пошел добровольцем в формирующуюся Армию Андерса, но как владелец советского паспорта

не был принят. Чтобы пережить зиму, двинулся на юг. После изнуряющего путешествия в товарном вагоне Юлиан Стрыйковски добрался до Ташкента, а затем до Ферганы. В Фергане периодически работал на разведении шелкопряда, сборе и погрузке хлопка, а также продаже прессы. Позже через Ташкент добрался до подмосковного Люблино, где работал на фабрике по изготовлению военной амуниции.

Работа на фабриках и в являющихся институтами принудительных работ «стройбатах» была значимым опытом с точки зрения происшедших позже идеологических перемен. Миф о «советском рабочем» особенно развивался в пропагандистской деятельности польских коммунистов. В разговорах между заключенными в повести «Черная роза» Тышик рассказывает об энтузиазме русских рабочих: «Ни один рабочий на свете не способен на такие жертвы. Это героизм труда. Русский рабочий осознает, что он солдат на фронте, что на него смотрит весь мировой пролетариат. Рабочие, строящие Днепрострой, Магнитку, строят счастливое будущее, строят оборонную мощь Советской России. Я сам видел, как во время покрытия крыши у одного рабочего руки приклеились к жести. Человечек отдернул их. Обвязал тряпками и продолжал работать на сорокаградусном морозе. И он не хотел покинуть стройку, чтобы не завалить план. “Не дождутся английские империалисты”, – сказал он»¹⁹.

Благодаря воспоминаниям писателя того периода появляется целая галерея образов простых людей и интеллектуалов, идеалистов или оппортунистов, использующих любую возможность, чтобы обогатиться или просто выжить. И все это на фоне измученной войной страны, в которой расстояния слишком велики, чтобы кто-то мог ими завладеть, страны, в которой преступников возили без охраны, а они даже не пытались сбежать – «в стране без конца и края это было бы самоубийством»²⁰. Бедные люди, которые давали ночлег беглым, делились хлебом и разбойно нападали на беззащитных дезертиров, солдат с ампутированной ногой, который едет к своей семье в уже не существующую немецкую Республику Поволжья, и осужденный, который делится с дезертиром тушенкой и водкой. Это разнообразие людских характеров напоминало писателю путешествие с беглыми по польской земле в сентябре 1939 года. С той разницей, что в судьбах тех людей просматривалась правда, с которой писатель еще не мог согласиться в то время, потому что находился в стране победившей революции и коммунистической идеи. Но одновременно это была и страна, где принуждение к рабскому труду было равно помилованию, где гибли целые народы, вывезенные в неизвестном направлении с родной земли.

Идеализированный образ коммунистического общества подвергнулся сомнению уже в ходе путешествия по СССР. Писатель замечал отрицательные явления и пытался их как-то себе объяснить, не желая отказываться от идеологии. Поэтому он согласился с голодом и непосильным

трудом в сталинском стройбате, согласился с вонью на шелкопрядной фабрике, на которой работал в Фергане, потому что раз от него это требовалось, значит, независимо от цены, это была необходимость наивысшей степени. Об ужасающей действительности в глубине страны свидетельствуют военные воспоминания. В рассказе «Мертвая волна» примером таких воспоминаний является работа на фабрике по разведению шелкопряда и получению нити из коконов. Вонь, сопровождавшая этот процесс, стала символом постоянно возвращающихся воспоминаний о терпении.

« – Шелкопряды воняют! – рассмеялась Нараньо.

– Еще как! Когда гусеницы сдыхают в коконах. У меня до сих пор нос забит вонью. И если уж убежать, то от этого»²¹.

Метафора побега от вонии многократно повторялась в творчестве Стрыйковского. Работа на производстве шелка, возможно, не была настолько изнурительной физически, какой было перетаскивание мешков с цементом в Сталинграде, но она стала переживанием, которое глубоко запало в его памяти. Спустя сорок лет писатель говорил: «С того момента я подозревал, что под позолотой кроется гнилое зерно»²². Это утверждение ближе метафорике Томаса Манна, чем соцреалистическому видению человека, не щадящего себя, чтобы работать на благо общества. Но писатель никогда не был в полной мере соцреалистом, опираясь во многом на натурализм и экзистенциализм²³.

«На полках в подстилке из соломы дозревали гусеницы, снабженные листом шелковицы, и строили коконы. Из кадки валил жар и вонь, трупная вонь, которой человек пропитывался навсегда. В каком-то из рассказов я написал, что эта вонь преследовала меня всю жизнь. Я имел в виду коммунизм. Метафора оказалась неудачной, насколько мне известно, не дошла до сознания ни одного читателя»²⁴.

Этот опыт, возможно, не является наиважнейшим с точки зрения истории. Однако в воспоминаниях, дополненных более поздними знаниями, нет недостатка фактов в том, что писатель сталкивался с предпосылками, свидетельствующими о преступной внутренней политике СССР. Это панорама событий, на основе которых Юлиан Стрыйковский двадцать лет спустя смог совершить драматичный выбор и официально выйти из партии. Путешествие по необъятным просторам страны, ведущей войну с гитлеровцами, позволило приобрести разнообразный опыт, а в конце спровоцировало перемену, которая завершилась отходом от коммунистической идеологии. Позже, в разговоре с Петром Шевцом, писатель сказал: «... Я был пропитан вонью. Она долго преследовала меня. Не только в Народной Польше, но и в странах без идейного клейма, в Италии, Швейцарии, Франции ощущал запах дохлых гусениц, варенных в котле. Он крепко засел в моей работе, в моих мыслях, да, даже в мечтах и письме. Это было отравление, от которого я вылечился очень поздно. Когда пере-

ступил границу, отделяющую сумасшедшего от нормального. Когда вышел из партии»²⁵.

Столкновение идеи с действительностью, многократно представленное в воспоминаниях писателя, не является обвинением коммунистической действительности и страны, которая дала ему приют. Писатель стремится к отделению идеи от реальности, старается сохранить трезвость в суждениях по отношению к ситуации и характерам, так же как и различает позиции героев. Он также решается на осуждение собственных поступков. Он часто ссылается на сравнения и воспоминания, как во фрагменте, в котором пишет о своей работе в Ворошиловграде: «Я заполнял квитанции для деревенских баб, приносящих спорыш. Их обвешивали. Я видел это во время отпуска у родных. Мужики приносили семечки на продажу. Ни тогда, ни сейчас я не протестовал, несмотря на отвращение. Тогда это были мои родные, братья по вере, теперь мои братья по идее. Вот мое объяснение. Протестовать нетрудно. Когда ты сам не являешься участником. Как бы я поступил сегодня? Не знаю. Я не родился героем»²⁶.

Путешествие по огромным просторам СССР, изучение различных культур, растворенных в одной системе, подчиненной идеологическому режиму, – это опыт, который должен был повлиять и на национальное сознание молодого человека. Из воспоминаний писателя формируется образ многонационального общества, людей, лишенных в действительности возможности выражения своей национальной принадлежности, однако резко отличающихся друг от друга с точки зрения культуры и ментальности, а также неприятия других наций. Несмотря на надежды молодого коммуниста, национализм внутри общества продолжался. И даже развился в общепринятое неприятие евреев. Когда Стрыйковский встречался с подобным неприятием и даже презрением на Западной Украине, он относил это на счет недавних событий или на идеологическую несознательность. Однако воспоминания из узбекской чайной в Ташкенте, когда разгорелась дискуссия о том, кто хуже, еврей или русский, а особенно антисемитский эпитет «Абраша» со стороны хулиганов в Фергане, потрясли особенно: «Значит это так! Здесь тоже есть антисемитизм?»²⁷. «Они попали в мое самое слабое место. Мной овладело бешенство»²⁸. Разочарование действительностью коммунистического государства усиливалось антисемитизмом, которого при коммунистическом строе, вероятно, не должно было быть. По мнению писателя, на начальной стадии антисемитизм в России был исключительно явлением «снизу», «была ненависть ко всем этим еврейским комиссарам <...>, но в любом случае не было того антисемитизма, который есть сейчас, этого антисемитизма сверху»²⁹.

Болезненный опыт не лишил молодого писателя веры в то, что коммунистическая идея массового равенства может найти свою реализацию в СССР. Беседы во время путешествия в подмосковное Люблино с попут-

чиками – львовским взломщиком сейфов Антошем и посаженным за антисоветскую пропаганду сионистом – говорят о том, что Стрыйковски все еще защищал идею и ощущал свою принадлежность к коммунизму. «Антош-взломщик и сионист могут подать друг другу руку, пытался оправдаться я»³⁰.

В Люблино, где он как беглый работал с осужденными на фабрике амуниции, его разыскали из Союза Польских Патриотов, который начал выпускать в то время еженедельник «Свободная Польша». Писателя взяли на работу корректором, а потом он стал и автором «Свободной Польши». Опыт, который к тому времени был приобретен писателем, способствовал тому, что он уже никогда не публиковался под своим именем. Возможно, он приобрел достаточно опыта уже в своих военных странствиях, чтобы понять, как велика разница между идеей и ее реализацией в обществе. Воспоминания писателя подтверждают, что Стрыйковски многократно мог осознать, что интернационализм, постулированный в идеологии, в сознании большинства граждан СССР – пустая фраза. Он одновременно чувствовал себя коммунистом и верил, что дорога к равноправию ведет через отказ от собственной национальной принадлежности, и даже части собственной личности, и в «Свободной Польше» публиковался под псевдонимами Лукаш Монастырски, Йозеф Манг и Юлиан Стрыйковски³¹.

Военные странствия обогатили писателя большим опытом, который повлиял на его дальнейшую судьбу и изменения в его мировоззрении. Реальные события в Польше межвоенного периода повлияли на формирование позиций романтика-идеалиста с выраженными склонностями к левым взглядам. Это не был краткосрочный флирт с идеологией, потому что плодом этих убеждений было вступление в Коммунистическую партию Западной Украины и статус политического заключенного, а в послевоенный период принадлежность к PZPR, а также – по мнению многих критиков и историков литературы – значимое участие в движении соцреализма³². Говоря об отходе от коммунистических убеждений, писатель заметил: «Этот процесс не был ни равномерным, ни однозначным. Я латал свой компромисс видимостью... Но червь сомнения делал свое дело»³³. Позже писатель сказал: «Правда, действительно, не доходила до меня <...> Многое вообще не доходило до меня. Здесь была какая-то самозащита <...> самозащита от вещей, которые были бы для меня <...> нарушением самого великого. Это была защита во мне этих наивысших для моей жизни и мира ценностей»³⁴.

Драматические военные переживания повлияли на постепенный отход от коммунистических убеждений. Насколько первый период войны, проведенный в Львове, был этапом познания механизмов, управляющих сталинским государством, настолько более поздние переживания писателя дали ему возможность более глубоко взглянуть не только на реализацию

идеологических постулатов в обществе, которое уже более 20 лет жило и адаптировалось к условиям, навязанным тоталитарной системой, но и в сложные отношения между идеологией и обществом, с которыми он столкнулся в разных уголках СССР. Различия в культурном, историческом и религиозном отношении, лежащие в основе ментальности людей, которых встречал писатель в своих путешествиях, также внесли вклад в процесс осознания писателем своей еврейской идентичности. Это осознание позволило ему также исполнить свою литературную миссию.

Во время работы в редакции «Свободной Польши» писатель узнал о восстании в варшавском гетто. Это событие потрясло его и стало причиной перелома в интеллектуальной биографии писателя. Его более ранний отказ от народных и религиозных традиций, отказ от «бытия евреем» в пользу «бытия коммунистом» оказался временным. «Еврей-коммунист перестает быть евреем», – подчеркнул писатель в речи, произнесенной во время вечера по случаю празднования его восьмидесятилетия, организованного Обществом литераторов имени Адама Мицкевича факультета полонистики Варшавского университета. Говоря о переломе, который произошел в его сознании после известия о поражении восстания в варшавском гетто, он добавил: «Я вновь почувствовал себя евреем»³⁵. И в беседе с Петром Шевцом писатель вновь напомнил об этом: «Я вновь почувствовал себя евреем. Я почувствовал себя виновным в том, что не боролся вместе с повстанцами гетто. За это нужно заплатить <...> Категорический императив. Садись и пиши! Но о чем? О восстании? По какому праву, если я в нем не участвовал? А разве перо менее эффективно, чем винтовка? Буду писать о том, что знаю. Поставлю памятник народу в меру своих сил. Дотянусь в памяти до самого дальнего прошлого в моей жизни, моего детства. В моем детском сознании, то, что, мне казалось, исчезло во тьме забвения, навсегда ушло в небытие, я добывал усилиями памяти как Атлантиду из наносов. Один за другим я открывал утраченные следы, как будто мир детства, всплывали образы, звучание слов, мелодия речи, сцены из домашней жизни, площади, улицы, *sacrum* и *profanum* маленького городка. Так появилась моя первая повесть “Голоса в темноте”»³⁶.

Во время пребывания в Москве с ним произошел случай, который пошатнул веру молодого коммуниста в возможность реализации идей марксизма. Во время прогулки по Красной Площади, на трибуне Мавзолея Ленина, писатель заметил силуэт Иосифа Сталина в окружении сопровождающих его членов Политбюро, принимавших парад боевых самолетов, пролетавших над площадью. Желая поздороваться с вождем СССР, он подошел к трибуне, но его действия трактовались как угрожающие вождю. Берия заслонил Сталина собственной грудью, а писатель оказался окруженным группой агентов и был воспринят как потенциальный преступник. Об этом событии впервые сообщает герой рассказа «Сириус».

Литературная интерпретация этой сцены дает возможность наблюдать, как под влиянием неожиданной реакции участников события радость от беззаботной прогулки уступает место сознанию поражения. Кажущаяся простота рассказа представляет необычное происшествие, а эмоциональная реакция героя показывает, что представленные факты как будто наблюдались с дистанции, создавая тем самым эффект рассказа³⁷.

«Я был относительно молод. Жил в столице мирового пролетариата, в Москве. Тогда так говорили. У меня было все, что я хотел. О чем я мечтал <...> Меня распирала радость, и я пошел на прогулку на Красную Площадь. Самую красивую площадь на земном шаре. Красные стены Кремля, округлые башни, на одной из них, над Спасскими воротами, куда обычно тихо въезжали машины на приемы, начали бить куранты, кремлевские куранты. Было 12 часов. Каждый удар падал не единичным звуком, а сразу по несколько, гроздьями. Богато. Так не бьют ни одни часы на свете, так бьют только часы Истории. А в глубине Красной площади в ярких лучах солнца сентября 1944 года светились востоком купола Василия Блаженного и Мавзолей Ленина. Но что это? Не кажется ли мне это? Кто это решился выйти на крышу Мавзолея Ленина? Я замер от потрясения. Я узнал самого Сталина. Да. Это Сталин. Буду одним из немногих, кто видел его своими глазами. Бегу через пустую площадь <...> бегу и у меня захватило дыхание. Не могу выдать из себя: “Да здравствует Сталин!” <...> Машу руками в воздухе, издали. Я уже приближаюсь, все ближе, уже совсем близко, уже вижу Сталина, как вижу сейчас Вас, и вдруг Берия выступает вперед и заслоняет Сталина собственной грудью. От меня. Рядом со мной оказались какие-то люди. Перед этим Красная площадь была совершенно пуста. К счастью, не держал рук в кармане»³⁸.

Заставляет задуматься тот факт, что последнее предложение не было удалено цензурой, но, как видно, официальный образ государства, управляемого пролетариатом, не находился в противоречии с господствующим показным недостатком доверия к гражданам. В опубликованных уже после отмены цензуры беседах с Петром Шевцом писатель старается не оставлять сомнений. «Если бы держал руки в карманах, я бы уже не жил. Не забрали меня. Дали уйти. Я ушел медленно, с опущенной головой. Над головой с гулом пролетела эскадра самолётов <...> Может быть, тут наступил перелом, который углублялся до того момента, когда я отдал партийное удостоверение»³⁹. В беседе с Яцкем Тшнадлем писатель, рассуждая об этой ситуации, добавляет: «Меня всё равно удивляет, что меня не застрелили, что меня не застрелили на месте»⁴⁰. Тот возглас, который не мог из себя выдать писатель на Красной Площади, в полную силу проявился в книге, написанной уже после войны, во время пребывания писателя в Италии, – «Бег к Фрагалю». Антивоенные и социалистические позиции объединяются в ней с уважением по отношению к России. «Да

здравствует товарищ Сталин!» – разносятся крики демонстрирующих итальянских коммунистов, выражающих симпатию к России, «где люди спокойно работают и любят нас, потому что они такие же рабочие, как и мы. Только они счастливее нас»⁴¹. В этой повести, называемой многими историками и критиками соцреалистической⁴², Россия была представлена страной, в которой есть колхозы, что *отвергает* хозяев, но в высказываниях итальянских коммунистов эта страна во многом мифологизирована. Эта информация имеет больше общего с футуристичным видением, чем с действительностью, с которой столкнулся писатель.

«Колхозы – это значит то, что нет безработных и безземельных, но зато достаточно воды, навоза, электричества, школ, дорог. Это значит сытый день и спокойный сон. Это машины, работающие для человека. Это радио, кино, игры, книги, газеты <...> Нам до этого далеко. Колхоз – это уже взрослый человек, крепко стоящий на своих ногах. А мы здесь как дети, делающие первые шаги в борьбе за землю»⁴³.

В повести, опубликованной в 1952 году, ещё не видно этого разочарования. Однако если бы ломка мировоззрения наступила под влиянием необычайного происшествия на Красной Площади, это успело бы найти выражение раньше. Постепенно, на протяжении всего периода, проведённого в СССР, к писателю приходило осознание сложных отношений между идеей и политикой. Он остерегался однозначных суждений; относиться однозначно критично не позволяло ему ни принятая в предвоенной Польше идеология, ни в более поздний период благодарность по отношению к стране, которая помогла ему пережить годы уничтожения, но он был подвержен колебаниям. О совершающейся в сознании писателя перемене могут свидетельствовать события, имевшие место в Барвихе, подмосковном курортном местечке, в котором был оборудован санаторий для освобождённых из лагерей польских коммунистов. Во время прогулки с Романом Юрысом, при виде заборов из колючей проволоки, которыми были огорожены владения высокопоставленных лиц, Стрыйковски сказал: «В коммунизме, наивысшей стадии социализма, всё будет огорожено колючей проволокой»⁴⁴. Это неосторожно высказанное предложение поразило собеседника.

Осенью 1945 года Стрыйковски поехал в отпуск в уже освобождённую Польшу. Несмотря на то что война закончилась, ситуация в стране была не лучше, чем во время оккупации. В воспоминаниях писателя есть потрясающие образы разрушенной Варшавы и «толпящиеся» в темноте на улицах менее разрушенных городов «ватаги невоспитанных мальчиков и девочек». Когда писатель хотел провести в Валбжихе знакомого из стройбата, его сопровождали двое солдат. «Любая дорога была небезопасной. Подпольные объединения, борющиеся с властью, выслеживали в основном евреев как коллаборационистов коммунистического режима и расстреливали их»⁴⁵. Образ Польши после освобождения не оправдал

ожиданий и надежд писателя. Вместо новой, справедливой родины это была страна, уничтоженная, охваченная хаосом болезненного установления новых порядков и далёкая от идеи справедливости. А наибольшим потрясением было, пожалуй, то, что победа над гитлеровской Германией не положила конца антисемитизму. Это ещё одна нить, которая не была использована писателем в своём творчестве, хотя он часто сталкивался с ней. Оттуда, возможно, появился пыл, с которым он на рубеже 40 – 50-х годов включился в политическое движение писателей⁴⁶.

Разочарованный действительностью освобождённой отчизны, писатель вернулся в Москву и остался там до закрытия редакции «Свободной Польши». Спустя годы, вспоминая московские годы, походы в театры, архитектуру, искусство, насыщенную культурную жизнь, он утверждал: «Я полюбил Москву, где у меня всё было. Не стыжусь этого признать. Такого театра я не видел никогда ни до, ни после. Великолепный балет с величайшей балериной Улановой, опера с прекрасным тенором Козловским, театр Вахтангова – это самая большая радость, доставленная мне в жизни <...> Перелом, о котором я говорил как о начале отхода от коммунизма, приближался. Красная Армия праздновала многочисленные победы. С этим надо было считаться»⁴⁷.

Переживания и опыт жизни на территории России, Украины и Узбекистана навсегда остались неотъемлемой частью интеллектуального и морального багажа писателя. Это не те переживания, которые можно оценить однозначно. Ведь с одной стороны, беглый писатель, как и целые народы, живущие на огромном пространстве погружённого в военный хаос СССР, удостоверился в нужде и унижениях, неоднократно сталкиваясь с примерами преступной деятельности сталинского режима. С другой стороны, он столкнулся с позициями, выходящими за рамки стереотипа, лишённого самостоятельности человека, подверженного пропагандистским влияниям. Парадоксальные выражения неуважения и подлости Стрыйковски воспринимал как ментальную отсталость прошлой эпохи, а благородные позиции как доводы формирования нового общества. И только весь опыт, а также взгляд на действительность в перспективе более долгого периода времени позволили ему понять, что было не так, а идеализированная система, по мнению писателя, продвигала по службе, прежде всего оппортунистов и людей, лишенных чести⁴⁸.

На фоне нищеты и голода, преследовавших его во время путешествия по республикам империи, на фоне неразберихи, расточительства и безразличия к людям культурная жизнь Москвы, благополучие и стиль жизни столицы могли привести в восторг и шокировать одновременно. В сентябре – октябре 1953 года Юлиан Стрыйковски уже как признанный писатель посетил Москву вместе с Марией Домбровской⁴⁹. Визит делегации польских писателей представлялся официальной пропагандой как событие

политического значения. От имени польских писателей Стрыйковски произнес обращение к русским писателям в Москве. Во время этого путешествия делегация польских писателей посетила Ленинград, а также ряд других городов, но восторженность русской культурой не передалась Марии Домбровской, что она подтвердила, не желая сделать подпись в памятной книге во время посещения Кремля и написав после возвращения, выдержанное в холодном тоне сообщение⁵⁰.

Писатель мог подозревать, что не представлял истинного образа коммунистической действительности. Постепенно у него закрадывались сомнения, но никакая правда в положении беглецов из оккупированной Польши, особенно евреев, которые отдавали себе отчет в уничтожении гитлеровцами людей, не могла быть воспринята объективно.

Вспоминая период работы в редакции «Свободной Польши» и участие в работе пропаганды, писатель говорил: «Принуждения не было. Но я и не лгал. Ложь приходила с русской и польской сторон. И для меня это была правда. Я верил. Не только я, а все»⁵¹. Поддерживаемые ложью тоталитарные системы не оставляли выбора своим жертвам. С точки зрения осознания того, что правда, а что нет, жертвами этой системы были не только заключенные и принудительно работавшие, но и жившие в кажущемся благополучии писатели и управленцы. Наверное, справедливо заметил Рюдигер Сафрански: «Кто сам убежден в том, что говорит и в чём хочет убедить других, не лжет даже тогда, когда ошибается»⁵². Доверие к пропаганде длилось еще, по меньшей мере, два десятка лет. Только в 60-х годах писатель отошёл от своих ранних идей и взглядов, выразив это в своём творчестве и личных беседах⁵³. Отход от коммунистической идеологии не изменил отношения писателя к России. Он узнал фальшь официальной пропаганды и нищету жизни в тени идеологии, познал нужду, голод и унижение в раздираемой противоречиями великой державе, но столкнулся и с взлетом культуры, и благородными людьми.

Богатый военный опыт избавил его от юношеского идеализма, помог заметить выходящие за рамки идеологии ценности в трудной для восприятия социалистической действительности. Выражением дистанции по отношению к историческим событиям в польско-российских отношениях было стремление к противопоставлению себя ходу истории. Когда распался блок социалистических государств, 28 апреля 1998 года Стрыйковски подписал открытое письмо польских интеллигентов к российским, в котором среди прочего содержался призыв к началу польско-российского диалога о будущем культурных и политических отношений между этими странами.

Пер. с польского З. Анкудинова

¹ Strykowski J. Czarna róża. Warszawa, 1962. S. 151.

² Стрыйковский находился в тюрьме с октября 1935 г. до июня 1936 г.

- ³ Ocalony na Wschodzie. Z Julianem Strykowskiem rozmawia P. Szewc. Montricher, 1991. S. 93.
- ⁴ Ocalony na Wschodzie. S. 93.
- ⁵ Ocalony na Wschodzie. S. 94.
- ⁶ *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 78.
- ⁷ Ocalony na Wschodzie. S. 99.
- ⁸ *Chłosta J.* «Czerwony sztandar» w życiu pisarzy polskich we Lwowie 1939 – 1941 // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Prace Filologiczne z.1. / Pod red. A. Staniszewskiego. Olsztyn, 1995. S. 133 – 146.
- ⁹ Ocalony na Wschodzie. S. 107.
- ¹⁰ *Kot W.* Julian Strykowski. Z cyklu «Czytani dzisiaj». Poznań, 1997. S. 80.
- ¹¹ *Strykowski J.* Czarna róża. S. 322.
- ¹² *Strykowski J.* Czarna róża. S. 308.
- ¹³ *Strykowski J.* To samo ale inaczej. S.279.
- ¹⁴ *Strykowski J.* Czarna róża. S.277.
- ¹⁵ *Strykowski J.* Czarna róża. S. 222.
- ¹⁶ Wielki strach. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 135.
- ¹⁷ Ocalony na Wschodzie. S. 104.
- ¹⁸ Примером таких воспоминаний является описание Краковского рынка за Большим театром в Львове, которое писатель приводит как ассоциацию описания рынка в Ворошиловграде. – To samo ale inaczej. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 274.
- ¹⁹ Czarna róża. S. 323.
- ²⁰ To samo ale inaczej. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 287.
- ²¹ *Strykowski J.* Martwa fala. Kraków, 1983. S. 111.
- ²² Ocalony na Wschodzie. S. 146.
- ²³ Проблема подчинения стилю социалистического реализма будет оговорена шире в следующем разделе.
- ²⁴ To samo ale inaczej. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 309.
- ²⁵ Ocalony na Wschodzie. S. 146.
- ²⁶ To samo ale inaczej. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 279.
- ²⁷ To samo ale inaczej. – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 307.
- ²⁸ Ocalony na Wschodzie. S. 143.
- ²⁹ *Trznadel J.* Hańba domowa. S. 152.
- ³⁰ Ocalony na Wschodzie. S. 153.
- ³¹ Выбор псевдонима был продиктован политическими соображениями. В те времена явно обозначались тенденции к сокрытию еврейского происхождения офицеров и публицистов. Псевдоним Юзеф Манг был отклонен с подачи Ежи Путраменты, хотя происходил от фамилии школьного товарища Сtryковского, который «был поляком и наверняка никогда не предполагал, что кто-то будет считать его евреем». – *Strykowski J.* Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 345.

- ³² Ср.: *Paclawski J. Kronikarz żydowskiego losu. Kielce, 1993. S. 51.*
- ³³ *Ocalony na Wschodzie. S. 184.*
- ³⁴ *J. Trznadel: Hańba domowa. S. 155.*
- ³⁵ *Strykowski J. Zamiast posłowania. W: Tenże: Juda Makabi. Poznań, 1986. S. 190.*
- ³⁶ *Ocalony na Wschodzie. S. 170.*
- ³⁷ Писатель вспоминал, что многие читатели считали это сообщение сном. – *Trznadel J. Hańba domowa. S. 155.*
- ³⁸ *Strykowski J. Syriusz. Warszawa, 1984. S. 240.*
- ³⁹ *Ocalony na Wschodzie. S. 183.*
- ⁴⁰ *Trznadel J. Hańba domowa. S. 154.*
- ⁴¹ *Strykowski J. Bieg do Fragala. Warszawa, 1953. S. 133.*
- ⁴² Решение вопроса, в какой степени творчество Стрыйковского принадлежит этому направлению, является предметом следующего раздела.
- ⁴³ *Strykowski J. Bieg do Fragala. S. 335.*
- ⁴⁴ *To samo ale inaczej. – Strykowski J. Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 346.*
- ⁴⁵ *Ocalony na Wschodzie. S. 173.*
- ⁴⁶ В фельетоне, завершающем «Прощание с Италией» и названном «Почему я написал “Бег к Фрагалю”», Стрыйковский отметил, что посвятил свой роман «тем, кто понял масштаб политических изменений в Польше, и тем, кто еще колеблется». – *Strykowski J. Pożegnanie z Italią., S. 123.*
- ⁴⁷ *Ocalony na Wschodzie. S. 187.*
- ⁴⁸ Примером таких испытаний была встреча во время бегства в Львов с бывшим пекарем Казимежем Виташевским. После вступления Красной Армии в Львов он стал заведующим пекарни. Стрыйковский, который писал в «Красном штандарте» об этой пекарне, просил во время бегства в Львов подвезти его на бричке. Тот, однако, отказал, а когда писатель стал настаивать, ударил его в грудь. В последующие годы Виташевский, будучи генералом Первой дивизии им. Тадеуша Костюшко, вернулся в Польшу, а во время оттепели в октябре 1956 г. «прославился» как «генерал – газовая трубка». – *To samo ale inaczej. – Strykowski J. Wielki strach, To samo ale inaczej. Warszawa, 1990. S. 247.*
- ⁴⁹ *Dąbrowska M. Dzienniki powojenne. 1945 – 1965. T. 2. Warszawa, 1997. S. 410.*
- ⁵⁰ *Dąbrowska M. Po powrocie z podróży. «Nowa Kultura». 1953, nr 45.*
- ⁵¹ *Ocalony na Wschodzie. S. 177.*
- ⁵² *Safranski R. Zło. Dramat wolności. Warszawa, 1999. S. 251.*
- ⁵³ Касающаяся разговора со Стрыйковским запись из «Дневника» Марии Домбровской от 8 декабря 1962 г. выражает удивление автора его «странным поведением». – *Dąbrowska M. Dzienniki powojenne. 1945 – 1965. T. 4. Warszawa, 1997. S. 218.*